

Е.В. Логинова

Иркутский государственный университет

К вопросу о разграничении типов семантической информации

Аннотация: Данное исследование посвящено рассмотрению типов внеязыковой информации, участвующей в производстве значений полисеманта. Актуализация разных типов семантической информации рассматривается на основе анализа конкретных существительных с общим значением «насекомое».

The given research is devoted to the examination of types of extralinguistic information involved in the production of meanings of polysemantic word. Actualization of different types of semantic information is examined through the analysis of concrete nouns with the general meaning of “insect”.

Ключевые слова: потенциальные семы, ассоциативные признаки, фоновые знания, коннотация, релевантные и нерелевантные признаки денотата.

Potential semes, associative features, background knowledge, connotation, relevant and irrelevant features of denotatum.

УДК: 811.

Контактная информация: Иркутск, ул. Чкалова, 2. ИГУ, факультет филологии и журналистики. Тел. (3952) 243995. E-mail: zoloto84@list.ru.

Вопрос о типах семантической информации, участвующей в производстве значений полисеманта, долгое время не получал однозначного ответа в лингвистической науке. Однако значимость данной информации для функционирования слова подтверждена исследователями.

В исходном значении многозначного слова актуализируется лишь часть информации, связанной в сознании носителя языка с данным словом; средством реализации оставшейся информации, ее извлечения и использования являются в том числе производные значения. Такую информацию принято называть внеязыковой, или экстралингвистической. Рассмотрению типов внеязыковой информации, участвующей в производстве значений, и уточнению их терминологического обозначения посвящена данная статья.

Долгое время в лингвистической семантике внеязыковая информация номинировалась разными терминами: она определялась как **ассоциативные признаки, потенциальные семы, коннотации**, а также **фоновые знания**. Рассмотрим эти понятия.

Достижением структуралистской семантики явился компонентный анализ, позволивший представить лексическое значение как иерархическую систему компонентов. Изучение лексики на основе компонентного анализа происходило с позиций дифференциальной семасиологии. Согласно положению этой концепции, значение слова представляет собой структуру, включающую дифференциальные семы – компоненты, необходимые для разграничения значений разных слов.

В 60-е годы эта теория была дополнена концепцией интегральных признаков [Шмелев, 1973, с. 15], то есть таких семантических компонентов, по которым одно значение не противопоставляется никаким другим значениям в пределах опре-

деленного класса. Понятие «интегральный признак» Д.Н. Шмелев демонстрирует на следующем примере: «Устанавливая парадигматические отношения между словами *река, ручей, канал, озеро* и т. д., мы выделяем, естественно, в значениях этих слов не только дифференциальные элементы, но также и то общее, что их объединяет, а именно компонент ‘водоем’, который должен рассматриваться здесь как нерасчлененный интегральный признак» [Шмелев, 1973, с. 154]. Интегральные и дифференциальные семы как существенные признаки значений соответствуют признакам, формирующим понятие о данном предмете. Эти признаки, по мнению исследователей, должны находить отражение в словарных толкованиях номинативных единиц.

В рамках дифференциальной семасиологии некоторыми лингвистами высказывались мнения о необходимости выделения в лексическом значении **потенциальных сем** [Гак, 1972, с. 382]. Под **потенциальными семами** понимались семы, обозначающие побочные характеристики объекта, незначимые при его опознании и номинации, и именно поэтому не находящие своего места в дифференциальной модели значения.

Однако сам языковой материал обусловил необходимость выделения данных сем, поскольку обнаруживаются группы слов, целостность семантической структуры которых невозможно объяснить без учета потенциальных сем. Например, анализ конкретных существительных с общим значением ‘возвышенность’, проведенный О.А. Башкирцевой, показывает следующее: исходное значение слова *бугор* представлено в МАС как ‘небольшой холм, горка’. *Он ничуть не упрекал тех прекрасных специалистов, умных людей, кто **смотрелся за бугор** – в Америку, в Германию, в Австралию* (С. Залыгин. После инфаркта). В данном контексте, кроме интегральной семы, в значении слова *бугор* актуализируется еще и некоторая дополнительная информация о том, что *бугор* является преградой на пути человека, границей, разделяющей пространство [Башкирцева, 2009, с. 83]. Эта информация не отражена в дефиниции, она не значима при опознании этого объекта, однако без нее невозможно объяснить целостную семантическую структуру лексемы *бугор*.

Слово *вулкан* имеет исходное значение ‘конусообразная гора с кратером на вершине, через который время от времени происходит извержение расплавленной лавы, горячих газов, обломков горных пород и пепла’ [МАС]. Фразеологизм *жить как на вулкане* определяется как ‘в постоянном ожидании каких-либо неприятностей’ [ФСРЯ, 2001]. *Руководители предприятий и люди, занимающие ответственные посты, будут **жить как на вулкане**: возможны интриги конкурентов, разрыв партнерских отношений и непредвиденное нарушение финансовых обязательств* (Л. Фирсова. Февраль). В данном значении, кроме дифференциального признака *фазное функционирование*, актуализируется информация об отрицательных последствиях извержения вулкана для человека (гибель живого, общая картина разрушения и хаоса) [Башкирцева, 2009, с. 83]. Эта информация несущественна для номинации, однако именно она создает целостный семантический образ объекта, названного словом *вулкан*.

В связи с этим перед лексикографами сейчас стоит вопрос: следует ли в дефиниции ограничиваться только интегральными и дифференциальными семами? Что понимать под «потенциальной» информацией? Необходимо ли отражать эту несущественную для номинации информацию в словаре?

Рассмотрим понимание внеязыковой информации разными исследователями.

Термин **ассоциативные признаки** (термин предложен Д.Н. Шмелевым) в рамках дифференциальной семасиологии являлся синонимом термина **потенциальные семы**. Под **ассоциативными признаками** понимались компоненты значения, отражающие как реальные свойства данного предмета, так и свойства, приписываемые ему в данном языковом коллективе [Шмелев, 1973, с. 25]. «Существенно, что семантическая общность в ряде случаев основывается не только на

наличии у значений общих семантических элементов... но также и на таких ассоциативных признаках, которые сопутствуют слову при его основном употреблении в том или ином языке... Например: “*Таять* 1. Обращаться в жидкое состояние под влиянием тепла... 2. Перен. Исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь... 3. Перен. Приходить в умиленное, томное состояние”» [Шмелев, 1973, с. 25]. Ассоциации, по мнению исследователя, далеко не всегда логически мотивированы. Например, «наименования многих животных употребляются для характеристики человека, ср.: *ворона*, *лиса*, *осел* и т. п. ...Нелестное применение слов *осел* или *ворона* остается фактом языка, невзирая на возможное несоответствие реального и языкового представления о поведении этих животных» [Там же, с. 29].

Как видно из примера, термином **ассоциативные признаки** Д.Н. Шмелев обозначает разные явления. Во-первых, это знания человека о ситуации, полученные опытным путем, но не являющиеся признаком самой ситуации: ситуация *таяния* подразумевает, что до теплового воздействия объект имел отчетливую форму, больший размер, иную плотность. Во-вторых, несущественные признаки денотата: для ситуации *таяния* – постепенность действия. В-третьих, признаки, не мотивированные логически: ‘невнимательность’ у *вороны*, ‘хитрость’ у *лисы*, ‘глупость’, ‘упрямство’ у *осла*. Однако новаторство Д.Н. Шмелева заключается в том, что он впервые выразил мысль о возможности проявления в «дополнительной» части значения знания о реальных свойствах предмета / свойства, несущественных для номинации самого этого предмета. Это явилось важным моментом в изучении типов семантической информации.

Ю.Д. Апресян для обозначения внеязыковой информации использует термин **коннотация**, под которой понимаются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян, 1995, с. 159]. Коннотацией исследователь называет и признак быстроты у лексемы *молния* 2 («*Молния* 1 ‘разряд атмосферного электричества’... *Молния* 2 ‘срочно выпускаемая стенная газета, посвященная важному событию’ как бы *молния* 1 по коннотации быстроты... *Молнию* 1 связывает с *молнией* 2 общий признак быстроты, прагматический для молнии 1 и семантический для молнии 2» [Апресян, 1995, с. 179]), и признак невоспитанности, грубости у слова *свинья*. Как видим, термин **коннотация** включает в себя разнородные понятия: несущественные признаки денотата у *молнии* и признаки, не принадлежащие денотату, приписываемые, носящие субъективный характер, у *свиньи*.

В «Большом Энциклопедическом словаре. Языкознание» под редакцией В.Н. Ярцевой [БЭСЯ] также активно используются термины, называющие различные типы семантической информации. В статье «Лексическое значение» **потенциальными** названы **семы**, которые «отражают побочные свойства предмета, реально существующие или приписываемые ему коллективом» [БЭСЯ, 1998, с. 262]. Как можно заметить, в определении термина указывается, что с потенциальными семами соотносятся разные типы информации, здесь разграничиваются побочные признаки денотата и связанные с ним ассоциации. Однако БЭСЯ не содержит словарных статей, в которых бы данным понятиям давалось содержательное определение и терминологическое наименование.

В статье «Сема» [Там же] говорится о **контекстуальных семах**, «которые отражают различного рода ассоциации, связанные с обозначаемым предметом или явлением, и возникают в определенных ситуациях употребления слова. За счет контекстуальных сем в речи (тексте) создаются коннотативные смысловые оттенки значения языковой единицы, на основе которых могут развиваться производные значения. Например, сема ‘отечески заботящийся о других’ в слове *отец*: *Полковник наш рожден был хватом: / Слуга царю, отец солдатам* (М. Лермонтов. Бородино)». Однако, на наш взгляд, сема ‘отечески заботящийся

о других' – не что иное как несущественный признак денотата, реально существующее свойство, а не «коннотативный оттенок».

Под термином **коннотация** в БЭСЯ понимается «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера». Разграничивается «широкое» и «узкое» толкование данного понятия. «В широком смысле **коннотация** – это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим знанием говорящих на данном языке или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников и т. п. В узком смысле **коннотация** – это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающий во вторичной для нее функции наименования, который дополняет при употреблении в речи ее объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, т.е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи, мотивировавших переосмысление данного выражения» [БЭСЯ, 1998, с. 169]. Можно заметить, что при рассмотрении понятия *коннотация* в «узком» смысле используется словосочетание *ассоциативно-образные представления*. Данное понятие, как и понятие **ассоциация** (как отмечалось выше), в словаре не отражено, однако оно присутствует в дефинициях других терминов.

Понятие **ассоциация** используется в БЭСЯ и для определения еще одного вида внеязыковой информации, названного **фоновым знанием**. В статье «Номинация» говорится: «ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, могут соответствовать компонентам переосмысливаемого значения, а также таким смысловым признакам, которые, не входя в состав дистинктивных признаков значения, соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии» [Там же, с. 337].

Очевидно, что под фоновым знанием подразумевается вся информация, связанная со словом в сознании носителя языка, но не отраженная в исходном значении. Возникает вопрос: почему данное понятие номинируется через понятие **ассоциативные признаки**, которое используется в определениях понятий **контекстуальные семы, коннотация**?

Как видим, в термин **ассоциации** автор словаря вкладывает разные смыслы: это и реальные побочные свойства денотата, знание о которых актуализируется во вторичной номинации, и свойства, приписываемые объекту действительности, и информация, полученная в результате жизненного опыта, выступающая фоном.

Рассмотрев понимание внеязыковой информации разными исследователями, можно сделать вывод о том, что, актуализируясь в производных значениях, она не только обозначается разными терминами, но и является различной по природе:

- несущественные признаки денотата;
- знания об объекте или ситуации, полученные в результате опыта носителя языка, но не являющиеся признаками самого объекта или ситуации;
- представления об объекте, приписываемые ему носителем языка.

О.А. Башкирцева в своем исследовании, посвященном изучению внеязыковой информации, участвующей в производстве значений полисеманта, предлагает разграничивать данные виды информации, обозначая каждый вид отдельным термином [Башкирцева, 2009, с. 82].

Предлагается выделить «информацию, относящуюся непосредственно к денотату слова», т.е. **релевантные** и **нерелевантные** признаки. «**Релевантные признаки** – признаки, первостепенно значимые для номинации и служащие для разграничения объектов» [Башкирцева, 2009, с. 81]. Таким образом, исследователь, который находится в рамках когнитивной парадигмы, понимает под **релевантными признаками** то, что структуралисты понимают под интегральными

и дифференциальными семами. Например, признак *функционирование у вулкана* является дифференциальным в терминах структуралистов, так как отличает *вулкан* от других возвышенностей конической формы, и релевантным в современной семантике по той же причине. Признак *возвышенность у вулкана* – интегральным у структуралистов, так как на его основании данный объект включается в класс возвышенностей, и релевантным в современной семантике. Таким образом, оказывается, что релевантными являются две группы признаков, имеющие разные классификационные функции – дифференциальные и интегральные [Башкирцева, 2011, с. 26].

Под **нерелевантными признаками** исследователем понимаются «признаки, представляющие неотъемлемую часть целостного образа эталонного представителя класса, но не имеющие первостепенной значимости для номинации и не служащие для разграничения объектов» [Башкирцева, 2009, с. 81]. Отметим, что такой тип информации, как нерелевантные признаки, до О.А. Башкирцевой не выделялся нигде. Однако, как показал анализ теоретических вопросов, связанных с определением типов внеязыковой информации, стоит признать необходимость отдельного наименования в науке этого типа информации. Примером проявления этого типа информации может быть состав из твердых материалов у *горы (гора на душе лежит)*, однообразие и длительность протекания действия *пилить*, высокая интенсивность действия *кипеть* [Башкирцева, 2011, с. 32].

Под **фоновыми знаниями** О.А. Башкирцева предлагает понимать «знания об объекте или ситуации, известные носителям языка на основе коллективного опыта, но не являющиеся признаками самого объекта или ситуации» [Башкирцева, 2009, с. 81]. Исследователь отмечает, что иногда разграничение нерелевантной информации и фоновых знаний представляет трудность, поскольку «и тот и другой тип информации имеет объективную основу и получен на базе коллективного опыта носителей языка», однако несущественные признаки денотата, в отличие от «фоновой информации», принадлежат непосредственно к образу объекта. Нерелевантные признаки являются неотъемлемой составляющей целостного образа объекта, тогда как фоновые знания не являются необходимыми для идентификации объекта [Там же, с. 81]. По замечанию Л.И. Горбуновой, **фоновые знания** – это информация, часто возникающая в результате учета причинно-следственных связей между фрагментами языковой действительности [Горбунова, 2010, с. 59]. Например, «смысл ‘невидимый’ не включается в базовое значение адекативной приставки *за-*, которая обозначает расположение с тыльной стороны объекта (*застинный, загорный, заречный*). Несмотря на это, знание о том, что находящееся с тыльной стороны объекта часто может быть скрыто им, играет существенную роль в функционировании префикса в составе слова» [Там же].

Логически не мотивированные представления об объекте, приписываемые ему носителем языка, – это **коннотации**. В отличие от фоновых знаний, связанных с опытом человека, коннотации представляют собой семантические ассоциации, не имеющие логической основы, например, признак грубость у *свиньи* [Башкирцева, 2009, с. 82].

Как показало исследование О.А. Башкирцевой, такое тонкое разграничение внеязыковой информации оказывается значимым для семантики, поскольку у разных групп лексики при формировании семантической структуры слова, как правило, актуализируются только определенные типы информации. Например, у слов ЛСГ ‘внутренние органы человека’ актуализируются дифференциальные (важность, функция) и нерелевантные признаки (форма, состав, строение), у слов ЛСГ ‘возвышенность конической формы’ – интегральный (возвышенность), дифференциальные признаки (размер, форма, высота и т. п.) и фоновые знания (функционирование возвышенности как преграды, границы, опоры; знание о том, что большой и твердый объект является тяжелым и т. п.) [Башкирцева, 2011, с. 33]. Таким образом, типы информации, актуализирующиеся в производных значениях

определенной ЛСГ, являются специфической семантической и когнитивной характеристикой группы.

Для иллюстрации данной позиции рассмотрим конкретные существительные с общим значением 'насекомое', в производных значениях которых актуализируются **интегральные и дифференциальные семы** (в терминах структуралистов), или **релевантные** признаки (в современной семантике), **нерелевантные** признаки, **фоновые знания** и **коннотации**.

Насекомое – 'маленькое беспозвоночное членистоногое животное (муха, пчела, муравей, клоп и др.)' [СОШ]. Признак 'маленький размер' отражает реальные свойства денотатов лексем со значением 'насекомое' и является для них нерелевантным, то есть незначимым для классификации объекта. Процесс семантической деривации на основе данного признака денотата оказывается частотным. Рассмотрим несколько примеров.

Исходное значение лексемы *блоха* представлено в МАС как 'мелкое, паразитическое, кровососущее прыгающее насекомое'. *Природа приложила все усилия, чтобы унижить ее (еще бы 1/2 вершка пониже и карлица <...>). <...> Стриженная блоха, а ручонки с кулачками поминутно бросает вверх и кричит...* (М. Пришвин. Дневники (1928)). В данном примере перенос наименования осуществляется за счет актуализации реального свойства денотата – нерелевантного признака 'маленький'.

Кроме нерелевантного признака 'маленький' в переносе наименования могут участвовать и другие нерелевантные признаки. Так, например, такое насекомое, как *моль*, в сознании носителя русского языка представляется не только маленьким, но и неярким, бесцветным. Чаще всего эти признаки и ложатся в основу процесса семантической деривации. *В сторонке – Валюн, рядом с ним девушка – небольшенькая, неяркая, реснички реденькие, белые, очевидно, Наташа. Чем-то напомнила Борисову Милочку – эдакая моль. Но выражение лица другое – независимое, даже гордое* (И. Грекова. Перелом (1987)). Перенос наименования происходит путем актуализации нерелевантного признака денотата 'маленький' и нерелевантного признака 'бесцветность', поскольку он не является важным для номинации и не служит для дифференцирования объектов.

В подобных контекстах трудно определить, какая сема была наиболее активной при семантической деривации, поскольку и та, и другая, одинаково мотивируют данный перенос наименования.

Это пока он с друзьями-пчелами гудел, по мальчишескому обыкновению, обмывая свою свободу. Утром пришел ночевать на квартиру, а в квартире ноль, пустые стены (Людмила Петрушевская. Пчелка (1998–1999)). В данном примере актуализируется нерелевантный признак денотата лексемы *пчела* – 'способность издавать гудящий звук'. Этот звук сопоставляется со звуками, производимыми веселящимися людьми, которые смеются, беседуют, распивают спиртные напитки и т. д. (ср. *гудеть* 'кутить, веселиться').

Слово *стрекоза* имеет исходное значение 'хищное насекомое с длинным тонким телом и двумя парами прозрачных крыльев, производящих при полёте характерный шум' [МАС]. *Немки, безусловно, лучшие всех акклиматизировались; и пока соперницы ползают по трассе, они летают над ней стрекозами* (Андрей Митьков. Не попали... //«Известия», 2002.02.14). В данном значении актуализируются нерелевантные признаки денотата 'быстрота', 'легкость передвижения'. Данная информация является нерелевантной потому, что не играет роли в опознании объекта, но является его признаком, принадлежит непосредственно к образу объекта.

Фоновые знания – тот тип семантической информации, который редко встречается в «чистом виде» в процессе семантической деривации. Слово «фоновые» подчеркивает сопутствующий характер данной информации, ее существова-

ние вне образа объекта, в отличие от нерелевантных признаков денотата [Башкирцева, 2009, с. 82]. Рассмотрим несколько контекстов.

Исходное значение лексемы *муха* – ‘двукрылое насекомое, являющееся переносчиком возбудителей ряда заразных болезней’ [МАС]. В производных значениях данной лексемы чаще всего актуализируются не реальные признаки денотата, а фоновая информация.

Последний, пятый шаг сделайте сами – отправляйтесь к провайдеру со своими кровными и покупайте самую популярную сейчас игрушку – Интернет. И в Паутине станет одной счастливой мухой больше. (Скажи мне, кто твой провайдер // «Карьера», 2000.02.01). Подобная семантическая деривация стала возможной благодаря метафоре «Интернет – сеть». Пользователь сети назван мухой, т.е. объектом, попавшим в сеть. В данном примере актуализируется фоновое знание о денотате лексемы *муха* ‘способность стать жертвой паука’.

...На выходе из таможенной зоны меня тут же окружили надоедливые мухи-таксисты, покручивающие на пальцах ключи от машин и до отвращения навязчиво предлагающие свои услуги по запредельным ценам... (Борис Мурадов. «Дежа-вю»! Москва-Сепанг-Москва (2002) // «Формула», 2002.05.15). Такая семантическая деривация основана на фоновых знаниях о денотате: муха – насекомое особо надоедливое, навязчивое и приносит много неудобств человеку тем, что ее трудно отогнать. Эта информация не приписана, она получена из коллективного опыта, но не является необходимой для идентификации этого насекомого.

Да ещё чужих навёз, иноземцев. В этом – нет ума. Мелкий помещик хуже крупного. Муха – не волк, из ружья не убьёшь, а надоедает она хуже волка (Максим Горький. Мои университеты (1923)). Фоновое знание о назойливости, надоедливости мух метафорически переносится на человека, отличающегося навязчивостью. Это знание коллективно и имеет под собой объективную основу.

Слово *вошь* (*вша*) имеет исходное значение ‘мелкое бескрылое насекомое, паразитирующее на теле человека и животных’ [МАС]. Слово *вошь* употребляется в значении ‘нечто, приносящее вред’. *Просветительная вша консерватизма и либерализма кишит на русском народе, пожирая его здравый рассудок. Он маленький человек, но большая свинья* (В.О. Ключевский. Записные книжки (1893–1899)). Актуализации релевантного признака ‘способность паразитировать’ сопутствует фоновое знание о ситуации появления / нахождения вшей на теле человека: известно, что большое скопление этих насекомых способно привести к трагическим последствиям, смерти.

Данные остаются данными, какое б количество материала не собрали трудолюбивые офисные муравьи (В. Баранов. Государство, информация и начальники (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.12.07). В рассмотренном контексте в деривации участвует несколько признаков денотата: во-первых, фоновое знание о том, что муравьи живут большими сообществами и работу выполняют сообща на благо всех «жителей» муравейника (и от этого результаты труда муравьев становятся значительнее); во-вторых, коннотация ‘трудолюбие’ (трудолюбивые офисные работники целый день трудятся, как муравьи) – свойство, приписанное объекту.

Коннотация – такой тип информации, который чаще всего актуализируется в производных значениях ЛСГ ‘насекомое’ при назывании качеств человека или особенностей его поведения.

То он думал о доме, о семье, которой теперь уже не хозяин и не советчик, то вдруг с беспокойством вспоминал, что недополучил на батарею табак и сахар и каптер не знает об этом, а писарь ПФС Туников, жуук не из последних, обязательно утаит теперь (Г.Я. Бакланов. Южнее главного удара (1957)). Здесь насекомому приписан признак ‘хитрость’, он не связан с объективной действительностью, его невозможно объяснить какими-либо реальными особенностями этого насекомого. Это коннотация лексемы *жуук*. Следует отметить, что «Словарь рус-

ского языка» [МАС] фиксирует значение *жук*² ‘ловкий плут’, в основе которого лежит коннотация. В связи с этим в который раз возникает вопрос о необходимости отражения в словарных статьях лексем внеязыковой информации, поскольку именно она создает целостную семантическую структуру слова.

Слово *короед* имеет исходное значение ‘мелкий жук бурого или черного цвета, живущий в коре и древесине деревьев’ [МАС]. *Короед* употребляется в значении ‘нахлебник / иждивенец’. *Я вон одного короеда родила, так хожу теперь в одном платье четыре года* (С. Василенко. Ген смерти (1997–2000)). Появление данного значения не является логически обоснованным, оно приписывается объекту. Можно говорить о том, что ‘нахлебник / иждивенец’ – коннотация лексемы *короед*.

Пчеле часто приписывают коннотацию ‘трудолюбие’. *Назначенный маг, пусть даже четвертой степени, есть уважаемый всеми труженик, есть пчела, несущая в общий улей свою толику меда* (М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все (2001)). В действительности же насекомое не обладает таким качеством. Оно приписано ему носителем языка.

Ранее незаметная частица, плоть от плоти родного филфака, сумасбродная, но медоносная пчела в рое себе подобных (Н. Горланова. Филологический амур (1980)). В данном значении также актуализируется коннотация – тип семантической информации, сопутствующий образу объекта, но не имеющий логической основы: априори *пчела* не может обладать / не обладать талантом, это качество присуще только человеку.

Анализ конкретных существительных с общим значением ‘насекомое’ показал, что в производных значениях данных слов могут актуализироваться разные типы семантической информации: **релевантные и нерелевантные признаки** денотата, **фоновые знания и коннотации**. Данная информация должна дифференцироваться и не подводиться под общее понятие **ассоциации**, поскольку представляет собой разные содержательные элементы, имеющие как субъективную, так и объективную основу.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. М., 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография.

Башкирцева О.А. Признаки денотата. Фоновые знания. Коннотации (к вопросу о разграничении терминов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 79–84.

Башкирцева О.А. Когнитивная основа семантической структуры слова (на материале конкретных существительных с общим значением ‘возвышенность конической формы’): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011.

БЭСЯ – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. С. 367–395.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981.

Горбунова Л.И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры языковой единицы (на материале единиц атрибутивно-локативной модели). Иркутск, 2010.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. М., 2007.

СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1994.

Фразеологический словарь русского языка. М., 2001.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.